

Н.И. ЛАПИН

О многом и едином в российской трансформации

На современном этапе социология приобрела популярность, стала востребованной обществом наукой. Но большинство россиян считают ее дисциплиной, изучающей лишь общественное мнение. Между тем важнейшие задачи социологии - теоретическое осмысление тенденций общественного развития, реагирование на вызовы современности, не только описание, но и объяснение, интерпретация социальных процессов и выдвижение вариантов решения социальных проблем.

Важным шагом в этом направлении стала коллективная монография Института социологии РАН "Россия: трансформирующееся общество" (М., 2001), обобщившая итоги десятилетних конкретно-социологических исследований меняющегося российского общества и их теоретического постижения. Этот солидный труд содержит 40 статей, авторы которых - 54 научных сотрудника Института социологии РАН. В книге представлены результаты исследований в рамках общеинститутской программы "Социально-культурные процессы в России на пороге XXI века в контексте глобальных социальных изменений" (1998-2001 годы).

Обращает на себя внимание многообразие тематики: от конкретных тем о детях-сиротах или опыта согласования интересов конфликтующих сторон при строительстве третьего автомобильного кольца в Москве до теории двух типов капитализма, социологии пространства; возможности "понять Россию умом", сравнительной транзитологии. Словом, представлена значительная часть спектра современного социологического знания. Все статьи обнаруживают высокий профессиональный уровень. В большинстве текстов эмпирия сочетается с теорией, хотя и в разных пропорциях. Четко изложены методы получения и анализа данных, теоретико-методологические предпосылки и выводы. Многообразие характеризует и подходы авторов к изучаемым объектам.

Руководитель программы и ответственный редактор книги В. Ядов обосновывает продуктивность именно "множественного, комплексного (полипарадигмального) теоретического подхода" (с. 5) к изучению радикальной трансформации современного российского общества. В этом есть резон: сам объект изучения находился в хаотизированном состоянии и представлял собой множественную реальность. Выбор какого-либо подхода создавал бы высокую вероятность одностороннего понимания объекта. А множественный подход позволяет доказать, что если, по Ф. Тютчеву, *одним умом Россию понять нельзя*, то *многими* умами - можно.

Множественность подходов была подкреплена организационным принципом работы над программой - принципом свободы авторского самовыражения. Это позволило, как отмечает Л. Дробичева, каждому участнику программы "максимально раскрыть свой потенциал и реализовать гражданский долг социолога-исследователя" (с. 3).

Коль скоро это так, научная общественность имеет в данной книге собрание профессионально полученных разнообразных результатов, к которым можно отнестись

Лапин Николай Иванович - член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН.

как к комплексному источнику информации для вторичного анализа с тех или иных позиций. Я остановился лишь на одном, самом общем аспекте такого анализа: проблеме соотношения многого и единого в российской трансформации. В такой формулировке проблема имеет философский характер. Для краткости сошлюсь на двух древних мыслителей. В V веке до н.э. Эмпедокл в поэме "О природе" писал:

*Речь моя будет двоякая, ибо:
То в множества недрах крепнет единство,
То множество вновь прорастает в единстве.*

[Антология... 1969, с. 303]

А через тысячу лет, в V или начале VI века н.э. Псевдо-Дионисий Ареопагит утверждал: "И никакая множественность не существует без какого-либо участия в едином" [Антология... 1969, с. 621].

Учитывая мудрость древних, не грех и нам задать себе вопросы: к какому единому относится множественная реальность, представленная в обсуждаемой книге, и не крепнет ли некоторое единство в "множества недрах"? Поскольку объектом исследовательской программы была Россия как трансформирующееся общество, то вопросы могут быть следующими:

насколько распространено, какой характер и значимость имеет многообразие социальной реальности реформируемой России?

представляет ли сама российская трансформация нечто единое или она - тоже множество трансформаций, которые не образуют единства?

именуются или нет в изученных фрагментах социальной реальности сходные, по тенциально единые процессы, тенденции?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, я на основе концепции социетальной социологии построил таблицу (для себя), состоящую из пяти колонок и двух строк. Четыре колонки соответствуют интегральным функциям общества, а пятую занимает общество как целое. Две строки означают: многообразие и единое. Многообразие содержится в книге результатов я распределил по клеточкам этой таблицы и получил систематизацию огромного, трудно обозреваемого материала. Конечно, это лишь один из вариантов систематизации. Возможно, не лучший. Поэтому я кратко изложу именно его.

В начале **о многом в российской трансформации**. Сюда можно отнести не менее 90% результатов, представленных в книге. Это целая россыпь убедительно полученных социальных фактов, подчас - систем фактов.

Самое мрачное их многообразие демонстрирует первейшая функция общества - функция жизнеобеспечения. В 1990-е годы существенно изменилась природа социального недовольства населения страны: па первое место вышли проблемы физического выживания - массовое обнищание, безработица, детское сиротство, болезни, преступность, военная опасность, катастрофы. Широкое распространение получили алкоголизация, наркотизация (о чем в книге пишут Г. Заиграев и М. Позднякова), всевозможные страхи (новейший страх: опасение "феномена 2003 года"). "Сформировалось общество тотального риска", - утверждает О. Яницкий. Все это обосновано эмпирическими данными.

Наибольшее число фактов оказалось в моей таблице в колонке, относящейся ко второй социетальной функции - функции дифференциации. Эта тематика - модальная в представленной книге, содержащаяся почти во всех статьях. Действительно, она эмпирически фиксирована во всех направлениях: по горизонтали и по вертикали. М. Черныш обнаружил множественность самих форм дифференциации, включая территориальное деление страны как эмерджентный признак, детерминирующий поведение россиян. Н. Яковенко подчеркивает атомизированный характер российского

общества и практическое отсутствие в нем горизонтальных связей, характерных для гражданского общества. З. Голенкова и ее коллеги представили многомерные стратификационные модели, включая маргинализацию значительных слоев как выпадение из основных социальных структур. Д. Константиновский демонстрирует дифференцирующую функцию такого традиционно интегрирующего института, как образование, резкое расслоение образовательных учреждений на элитные и общедоступные. В. Мансуров и Л. Семенова показали колоссальный разрыв в уровне доходов между бюджетной интеллигенцией и той ее частью, которая перешла в частный сектор или в свободные профессии. Н. Шматко выявила дифференциацию обладателей культурного и бюрократического капиталов, вплоть до их противостояния. П. Козырева с коллегами наблюдают увеличение разрыва между доходами домо-хозяйств вплоть до 1998 года. В. Семенова анализирует различные паттерны поколений в России XX века, особый интерес представляет дифференциация молодых когорт в начале нового столетия.

Перечень социальных дифференциаций, вплоть до разрыва, можно продолжить. Иная картина наблюдается в третьей колонке моей таблицы, куда попали факты, относящиеся к *интегрирующей* функции общества. Таких фактов в представленной книге мало, а оценки их роли очень осторожны. Так, Я. Эйдельман и его коллеги, фиксируя устойчивость и известный консерватизм ценностей россиян, в то же время отмечают наличие в массовом сознании элементов, которые не препятствуют либеральным реформам; следовательно, в этом смысле они не раскалывают трансформационный процесс. В. Магун, С. Климова и другие видят сдвиги в трудовых и иных ценностях, сближающие россиян с Европой и Западом в целом. Дробижева считает, что опасность этнического сепаратизма снизилась, но возросло этническое самосознание у русских и других народов России. Обнадеживают наблюдения М. Герасимовой об этнической толерантности среди подростков. Представляет интерес анализ И. Климовым мобилизационной динамики как механизма консолидации. Но в целом материал для понимания интеграции российского общества довольно скуден. Видимо, не потому, что "промахнулась" исследовательская программа института, а потому, что пока "промахивается" сама российская трансформация.

Больше данных о четвертой, *регулирующей*, функции общества. Многообразие фактов, относящихся к управлению, свидетельствует не столько о его разнообразии, сколько о противоречивых асимметриях во властных отношениях. А. Чирикова и Н. Лапина отмечают как несомненный факт, что регионы (прежде всего региональные элиты) стали важными акторами управленческой асимметрии; именно они, по мнению авторов, удержали страну от хаоса после дефолта 1998 года. В целом, по оценке А. Вебера, А. Галкина и КЗ. Красина, политическая система современной России амбивалентна, ей свойственна антиномия демократии - авторитаризма.

В пятой колонке систематизирующей таблицы, на уровне *общества в целом*, наблюдаются разрывы. Ядов констатирует расколотовость, анклавизацию общества, Яниц-кий подчеркивает энергию распада, Голенкова сближает социальную дезинтеграцию с аномией, В. Шубкин приводит данные о высокой неудовлетворенности россиян своей жизнью (53,4%). А. Согомонов делает выводы о перекошенности мира пореформенной России в сторону неудачников.

* Словом, социальная реальность современной России на любом уровне и в любом разрезе имеет множество дифференциаций, несвязанных локальностей, разрывов.

Можно ли при таком состоянии общества, его трансформации говорить о чем-то едином в нем? Прав ли был ареопагитик, утверждавший, что никакая множественность не существует без какого-либо участия в едином? И **возникает ли единое в недрах множественной реальности?**

Вопрос фундаментальный. За ответом на него обратимся к результатам, оказавшимся во второй строке систематизирующей таблицы: *единое*. Фактов здесь намного меньше, чем в обрисованной выше строке *многообразное*, несмотря на то, что учитываются все колонки таблицы и все факты - не только позитивные, но и негатив-

ные. Важно, что они по-своему объединяют распавшуюся связь элементов российского общества, процессы его трансформации. При интерпретации фактов мы теперь переносим акцент с их локально-структурных смыслов на социальные смыслы: на их значения для общества и для индивида, для характера соотношения личности и общества.

Из четырех интегральных функций общества доминирует в пореформенной России функция дифференциации. Она стала не одной из вершин четырехугольника, а фактическим центром, от которого зависят остальные функции. Ядром самой этой функции определилась и сохраняется *поляризация* имущих и неимущих власть и собственность, которая обуславливает плоский вид пирамидальной стратификации и служит источником социальных напряжений (Голенкова и др.). Поляризация основных страт деформировала жизнеобеспечивающую функцию: основной ее формой стал высокий уровень *адаптации* многих россиян к суровым условиям и радикально новым требованиям пореформенной жизни; это отмечают В. Ядов, А. Темницкий, А. Кинсбургский и др.

Вместе с тем интегрирующая функция сохраняет социокультурную самостоятельность и проявляется в сохранении базовых ценностей россиян и постепенной *либерализации структуры ценностей* широких слоев населения. Шубкин полагает, что индивидуализма у россиян ныне достаточно, а недостает как раз соборности. На мой взгляд, огромное социокультурное значение имеет факт постепенного перехода к западной модели брачных отношений, отмечаемый Т. Гурко, что соответствует и взвешенным выводам российских демографов.

Взаимодействуя с разнородными тенденциями (поляризацией и либерализацией), функция управления обрела *амбивалентность*; стремление скрыть эту двойственность породило в последнее время на всех уровнях структур управления *инверсию от открытости к закрытости*. А. Хагуров показал это на материалах села; А. Чирикова и Н. Лапина - на примере региональных элит; подобную инверсию не исключают и аналитики общих тенденций политического развития России (Вебер, Галкин, Красин). Эта инверсия несет больше опасностей либерализации общества, нежели поляризации страт.

Резюмируя то *общее, или единое, в нашем обществе*, как оно вырисовывается из материалов представленной книги, можно констатировать:

- это пирамидально стратифицированное, поляризованное общество, выживающее благодаря высокой адаптивности населения;
- оно интегрируется сохраняющимися базовыми ценностями, а также постепенной либерализацией их структуры и реальных возможностей поведения индивидов;
- начавшаяся инверсия амбивалентных структур управления от открытости к закрытости больше угрожает либерализации общества, чем поляризация страт.

В целом оправдал себя множественный подход к решению задач комплексной исследовательской программы, объектом которой было трансформирующееся общество. Получены разнообразные результаты, которые войдут в научный оборот и как готовые результаты, и как материалы для вторичного анализа.

По моей оценке-гипотезе, начавшийся новый этап трансформации может стать *закреплением нового социального порядка*. Каким будет этот порядок? По-видимому, ключевым в нем станет характер соотношения индивида и общества, тип антропосоциетальной респонсивности: либеральный или неотрадиционалистский.

Пришло время исследований, ориентирующихся на верифицируемые гипотезы. Особенно важны гипотезы социального уровня. Они позволят задавать более высокую планку смыслов социологических исследований любых проблем и объектов.

Например, проблемы социальной дифференциации можно продолжать рассматривать только в рамках социальной структуры, выявлять их преимущественно негативный смысл на уровне социально-локальных структур и самочувствий индивидов. Но сводится ли к этому их *социетальный смысл*? Никоим образом. В свое время

К. Маркс увидел в разделении труда прогресс его эффективности. Затем Э. Дюркгейм обнаружил в разделении труда предпосылку органической солидарности. Т. Парсонс показал, что дифференциация расширяет пространство свободы социальных действий. Так и многочисленные дифференциации российского общества имеют неявные, непредвиденные последствия или латентные функции по отношению к обществу в целом, подчас противоположные локально-структурным функциям.

Проблемы стабилизации того или иного типа структур управления тоже требуют рассмотрения с разных ракурсов: одни смыслы проступают при взгляде изнутри этих структур и совсем другие - с позиций общества как целого, того или иного его типа. Содержание представленной книги свидетельствует о том, что ее авторы имеют хорошие перспективы разработки и верифицирования гипотез всех уровней, включая социетальный, относительно ближайшего этапа российской трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969.

© Н. Лапин, 2002